

АРКАДИЙ РАЙКИН:

АНШЛАГ НАВСЕГДА

Ольга Фукс

СТО ЛЕТ НАЗАД В РИГЕ
В СЕМЬЕ ЛЕСНОГО БРАКЕРА
И АКУШЕРКИ РОДИЛСЯ
АРКАДИЙ РАЙКИН.
ЕГО БЛИСТАТЕЛЬНОМУ
ЛИЦЕДЕЙСТВУ СУЖДЕНО
БЫЛО СТАТЬ ГЛАВНОЙ
ОТДУШИНОЙ СОВЕТСКОГО
НАРОДА НА ПРОТЯЖЕНИИ
НЕСКОЛЬКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ.
ВЕЛИКИЙ АРТИСТ,
ПРОПИСАННЫЙ
ПО ВЕДОМСТВУ САТИРЫ, ИГРАЛ
ПО ПУШКИНСКОЙ ФОРМУЛЕ
– «МИЛОСТЬ К ПАДШИМ».
И ВЫЗЫВАЛ ОСТРОЕ
ЖЕЛАНИЕ РАСПРЯМИТЬСЯ.

ОТ САРАЯ ДО АЛЕКСАНДРИНКИ
Эпоха не предвещала счастливой жизни. Переезды и голод в годы Первой мировой. После революции – порванные связи с родней из Риги, оказавшейся вдруг «за границей». Страх телефонного звонка «оттуда». Позже, в 40-е, Райкины восстановят по крупицам сведения о родных – почти все погибли. Одна спаслась после расстрела в гетто, с простреленным плечом выбравшись из-под трупов. Другой всю войну пролежал в простенке между первым и вторым этажом латышского дома, оккупированного фашистами. А потом не смог ходить – атрофировались мышцы. Не пережил войну и отец: как многие ленинградцы, вывезенные из блокадного города, он не выдержал испытания едой и умер от переедания. Но был и цирк-шапито в Рыбинске, где шестилетний Аркадий перезнакомился со всеми артистами. И самодельный театр в сарае и первая «роль» (убитый купец с кинжалом под мышкой).

Первый драматический спектакль – «Шантеклер» Ростана в Рыбинском драматическом театре. Счастье вперемешку со смертельной завистью к соседскому мальчишке, который играет на настоящей сцене: пусть его роль – всего лишь строгать палочку на птичьем дворе. (Через восемьдесят с лишним лет Константин Райкин поставит «Шантеклера» – спектакль об окрыленности творца – в театре имени Аркадия Райкина). Уроки изобразительного искусства у Владислава Измайловича, который привил вкус к живописи и умение в ней разбираться. Театральный кружок Юрия Юрского, и первые роли, сыгранные Райкиным-школьником уже в профессиональных театрах – Передвижном театре Щербакова и «Станке». И все богатство театрального Петербурга 20–30-х годов. Знаменитые спектакли Александринки, куда Райкин ходил с десяти лет, проскальзывая с толпой мимо контролеров, а то и покупая билеты на деньги, вырученные от продажи учебников, а вечером получал от отца неизменный окрик, подзатыльник, а то и отказ пустить на ночь в дом.

ПОЙТИ ДРУГИМ ПУТЕМ
Мейерхольд принял его в свою труппу... за глаза. Репетируя «Горе уму», мастер, не терпящий посторонних на репетиции, увидел студента, прячущегося в темноте зала. «В этот момент он был похож на орла, высмотревшего с горных высот свою добычу», – вспоминал Райкин. Мейерхольду было достаточно двух вопросов, чтобы понять об этом студенте главное. Вместе с приглашением в труппу Райкин получил предложение встать в знаменитую «Даму с камелиями», переехать в Москву и защитить диплом уже в ГосТиМе. Но уехать – означало для Райкина предать свой курс, который вот-вот должен был стать театром. Тогда руководитель курса Владимир Николаевич Соловьев – знаменитый педагог и режиссер,

Сцена была для Аркадия Райкина лучшим лекарством. Бывало, уговорив врачей по дороге в больницу «на минуточку» заехать в театр, он отыгрывал спектакль.

Как ткань для портного. Он мог заказать один и тот же монолог разным авторам, уверив каждого, что только он в состоянии понять райкинский замысел. Мог переписать или исправить до неузнаваемости их тексты или «сшить» новую миниатюру из разных «лоскутов» – разных авторов. «Это сказал Райкин», не сомневалась публика.

От Райкина уходили многие. Кто-то в отрыве от Театра миниатюр, так и не смог реализоваться в полную силу. Кто-то доказал свою уникальность и состоятельность – как Михаил Жванецкий.

Но... Когда в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» были объявлены персонами нон грата Ахматова, Зощенко и «некто Хазин», когда от Зощенко стали отворачиваться даже знакомые, и он, чтобы не дать им для этого повод, стал отворачиваться первым, когда подступало безденежье, в квартире писателя раздался звонок.

– Михаил Михайлович, надо восстановить справедливость. По крайней мере в возможных для нас пределах. Я считаю несправедливым то, что вы до сих пор ничего не написали для нас.

Аркадий Райкин пустил в ход весь

блестящий знаток комедии дель арте, сподвижник Мейерхольтца и его соавтор по журналу «Любовь к трем апельсинам» – отговорил своего студента идти в труппу гениального режиссера. Точно почувствовал скорую гибель ГосТиМа.

Его судьбой стал Ленинградский театр миниатюр, возникший в 1939 году почти спонтанно. Он соединил певцов, жонглеров, танцовщиков, музыкантов, акробатов. Через три года, в разгар войны, исполнение обязанностей руководителя театра, который обслуживал военные части от Дальнего Востока до Новороссии, возложили на самого молодого – конференсье Аркадия Райкина.

ЭТО РАЙКИН СКАЗАЛ!

Аркадий Райкин не щадил самолюбие своих авторов. Миниатюры были для него таким же материалом для дальнейшей переработки, как язык улицы, неологизмы партбоссов, канцеляризм Системы.

свой артистический дар, чтобы казаться непринужденным и деловитым. Он давно мечтал о том, чтобы Зощенко стал автором их театра, но понимал, что литература Зощенко восходит на иной уровень. Теперь же было не до стилистических тонкостей – писатель просто лишился заработков. Так в репертуаре театра появилась миниатюра Зощенко «Доброе утро». А Александр Хазин вообще стал постоянным автором Аркадия Райкина и завлитом его театра.

СМЕХ – ЭСПЕРАНТО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Во время гастролей играли на языке приглашающей страны. На английском, немецком, румынском, польском, словацком. Выучили спектакль по-японски (намечались гастроли в Страну восходящего солнца, где о Ленинградском театре миниатюр была написана целая книга). Но... направили другой коллектив.

Играли даже на венгерском, где элементарное «здравствуйте – до свидания» («ёноподкеванок – висонтлаатаашра») оборачивалось для актеров серьезным испытанием.

Райкин по-английски высмеивал советских бюрократов, и англичане, хохоча, узнавали своих. Эффект узнавания был настолько велик, что миниатюру «Непостижимо» даже запретили показывать на британском телевидении.

Тексты учили заранее, но самая сложная работа начиналась уже на гастролях – Аркадий Исаакович настаивал, чтобы в их спектаклях звучали самые современные речевые обороты.

Райкинская языковая память была феноменальна, и часто зрители, приходящие за кулисы после спектакля, недоумевали: как не знаете языка?! Вы же только что говорили несколько часов! Однажды его языковые способности подвергли жестокому испытанию. Министерство культуры направило артиста в Западный Берлин на международный фестиваль пантомимы, где Райкин должен был в качестве почетного гостя прочитать доклад о влиянии пантомимы на другие искусства. Райкин обстоятельно подготовился к докладу, но по приезду в Берлин его поставили в известность перед фактом, что приглашен он не доклад читать, а играть концерт вместе с Марселем Марсо. До концерта оставалось 64 часа. К счастью, переводчик вошел в положение и согласился работать, не прерываясь на сон, не покидая гостиницу. После выступления Райкина вызывали 14 раз, но он уже ничего не воспринимал.

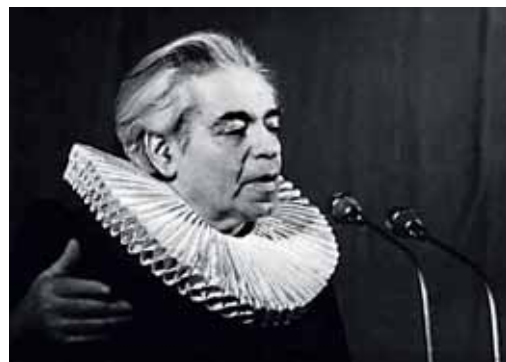
Выступления театра миниатюр Аркадия Райкина проходили и в Балканских предгорьях под открытым небом, и на футбольном поле, и в студии «Би-Би-Си» на открытии нового британского телеканала. В Габрове его избрали почетным гражданином города. В Лондоне причислили к пяти самым выдающимся комикам мира.

Ждали театр Райкина в Японии, Италии и Америке. Известный американский продюсер Сол Юрок, знаменитый своей щедростью и любовью к русским артистам, предлагал чиновникам и партбоссам всех уровней привезти театр миниатюр в Америку, чтобы в течение года играть спектакли в зале на тысячу мест. Но уговоры были тщетны. Америка, о которой мечтал Аркадий Райкин, оставалась недоступной до конца жизни.

Когда власти наконец отпустили его в США, запротестовали врачи – перелет мог оказаться для 76-летнего артиста роковым. Приговор врачей Аркадий Исаакович перенес так тяжело, что его коллеги решили: должно быть так, как он хочет. На выступлениях Аркадия Райкина творилось что-то невообразимое. Каждый раз зрители (тысяча, две) аплодировали стоя и плакали. Плакали и артисты. Все понимали, что больше Райкин не придет, что эти выступления – прощальные.

СЕМНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ НА ТВОРЧЕСТВО

Аркадий Исаакович Райкин был сыном своего времени. В юности, работая на Охтинском заводе (годовой рабочий стаж был необходимым условием для поступления в институт), ездил в Ярославскую область бороться с кулаками. Похоронил своего товарища, убитого, так сказать, в классовой борьбе. Участвовал в описи церковного имущества и в праздничном митинге, посвященном появлению первого трактора. Почти всю войну обслуживал части советской армии и госпитали, часто бывая на волосок от гибели. Память о святости той задачи на всю жизнь определила отношение и к своим зрителям, и к своей стране. Общество, в котором довелось жить, он сравнивал со здоровым человеком, у которого сильно болит зуб. Райкин искренно переживал, когда его упрекали

в искажениях, очернительстве, отсутствии положительных героев и позитивных примеров из жизни советского общества, – он ощущал себя врачом, который должен вылечить этот проклятый «зуб», не дающий житья. А у системы, между тем, был рак.

Его «оперативное вмешательство» не заканчивалось сценой и начиналось не на репетициях. Так, работая над миниатюрой про обязательное освоение бюджетных средств, он специально ходил в Министерство финансов, чтобы выяснить, почему везде действует это абсурдное правило. «Мы скоро решим ваш вопрос», – испуганно отрапортовали чиновники.

Ему приходили тысячи писем с просьбами о помощи. Некоторые корреспонденты Райкина даже пытались облечь их в литературную форму – для готового монолога. Откликнуться на все было невозможно, но если интонация письма вызывала доверие, Райкин откликался. Кого-то помог устроить в больницу, кому-то – добиться амнистии. В этом была не просто жажда обратной связи, которая у артиста обычно ограничивается популярностью, а жажда познания жизни, со всеми ее бедами, абсурдом и прочими «больными зубами».

Театр миниатюр был вопиюще беспартиен – в нем никогда не набиралось и трех членов КПСС, необходимых для создания партийной организации. Тем не менее «богатство ленинской мысли» тоже бралось на вооружение. Так, в 60-е годы в театре появился спектакль «Плюс-минус», авторами которого были Жванецкий, Лиходеев и... Ленин. Цитатами Ильича с указанием тома и страницы в собрании сочинений подкреплялись все сатирические выпады.

Но все эти стилистические хитрости не спасали от глухой ненависти началь-

Даже в образе Шута Аркадий Райкин оставался королем.

ства, от изматывающей сдачи спектаклей («На творчество я трачу только процентов семнадцать», – подсчитал как-то Райкин). И как следствие – от многочисленных инфарктов, один из которых случился прямо у завотделом культуры ЦК Василия Шауро.

Но по меркам советской истории Райкину еще повезло...

Однажды его буквально из постели вытащили, чтобы отвезти на закрытый концерт в честь 60-летия Сталина – концерт для угрюмых правителей судеб, где не было ни единой женщины. По дороге он сосредоточился на том, что ему необходим горячий чай – смягчить горло. Так, со спасительными мыслями о чае, он начал выступление перед вождем народом.

В семейном архиве Райкиных хранится учтиво-лаконичный сталинский ответ на приглашение посетить другой его спектакль. Но спустя много лет Аркадию Райкину показали список ленинградцев, которых, согласно сталинскому распоряжению, должны были сослать в Казахстан. Уже подошли к Ленинграду вагоны для их отправки, но Сталин умер. В этом списке была и фамилия Райкина.

Коммунистическая власть попрощалась с Райкиным «достойно». Несколько дней газеты не сообщали, когда и где пройдет панихида. По воспоминаниям брата Аркадия Исааковича и его партнера по сцене Максима Райкина, на панихиду кроме друзей и родственников пришли только жители близлежащих домов. Товарищ в штатском прямо из зала во время панихиды передавал по рации речи выступавших и комментировал происходящее. Как сказал кто-то из близких, великий артист впервые не собрал аншлага.

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ТРУБЫ И ПОДКОПА

Сказать, что он собирал аншлаг более пятидесяти лет, – значит ничего не сказать. Однажды на гастролях в Ростове в театре заболели несколько артистов и спектакль пришлось отменить. Сле-

дующие гастроли в Ростов состоялись через семь лет, и на него пришли люди с билетами семилетней давности – ни один из них не был сдан.

Однажды на гастролях в Днепропетровске зал набился до плотности взрыва и выяснить, кто с билетом, а кто «заяц», не было никакой возможности. Зрители заняли круговую оборону. Милицейский патруль увяз в этой зрительской массе и вынужден был остаться смотреть программу. После спектакля администратор показал Аркадию Исааковичу, что тот «натворил». Оказывается, за каменной стеной был сделан самый настоящий подкуп. Деликатнее других оказались студенты – они залезли на балкон по связанным простыням.

Однажды в Москве, в ДК железнодорожников, в антракте в зале появился человек, который наводил ужас на нарядно одетую публику. Он был весь в саже, мазуте и пятнах. Оказалось, что этот приезжий с Камчатки отчаялся купить билет на Райкина и залез в театр через крышу и трубу. Таких «однажды» в его жизни было немало.

Аркадий Райкин вошел в пятерку лучших комиков мира.

МХЭТ ДЛЯ «ОМХАЧЕННЫХ»

Аркадий Райкин рано ощутил вкус и цену независимости – еще когда мальчишкой упрямо убегал каждый вечер в театр, зная, что последует неминуемое наказание. В молодости независимости хотелось еще больше, а в драматическом театре она была почти недостижима. «Я довольно быстро понял: надо что-то предпринимать, чтобы не умертвить себя в себе. Я ушел в такой жанр, который позволял сохранять относительную независимость». За право быть хозяином собственной судьбы хотя бы во время репетиций, до прихода цензоров и комиссий, он заплатил высокую цену – и репертуар не мировой, и режиссеры не всегда первой величины. Равенских, Акимов или Симонов были, скорее, исключением. А с Анатолием Эфросом Аркадий Исаакович расстался после второй репетиции. Можно только догадываться, каким плодотворным мог бы оказаться этот дуэт.

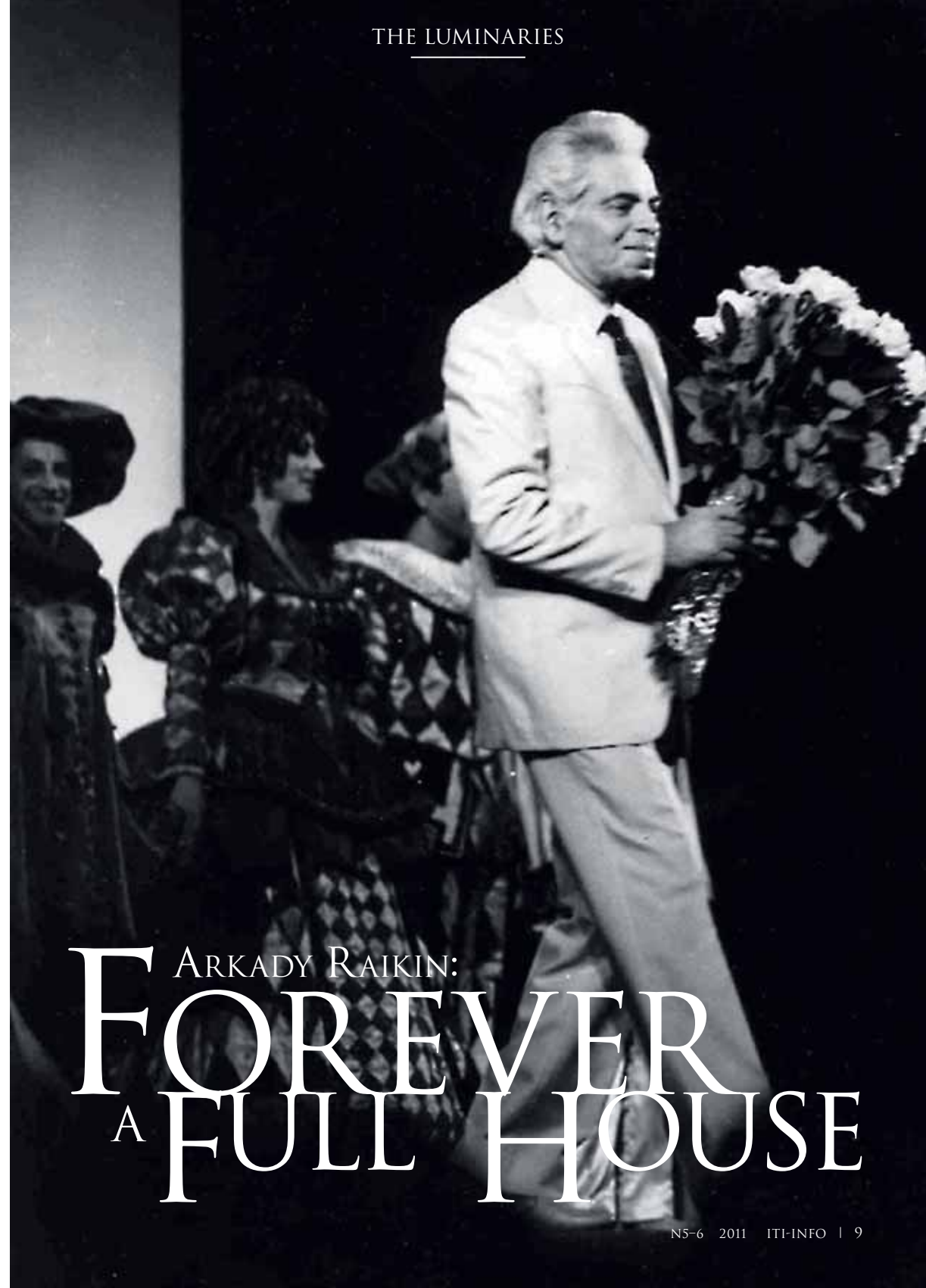
Пускаться в свободное плавание было рискованно, но жизнь доказала правильность выбранного пути. В эпоху насильственной мхатизации всех театров страны Райкин вместе с Григорием Карповским, которого позже заменил Герман Новиков, создает МХЭТ – Малый художественный эстрадный театр – с парящей птичкой на занавесе, похожей на гуся, и с целой верени-

цей человеческих типов и коллекцией смешных положений. Спустя много лет, на юбилее МХАТа, при появлении бывшего мхэтовца Аркадия Райкина на сцене, мхатовцы приветствовали его стоя. «Как же так, – изумлялась тогда Фурцева, – когда вышел на сцену представитель ЦК, актеры слушали его сидя, а как только появился Райкин, весь МХАТ встал?». Вопрос риторический. Но можно предположить, что мхатовцы чувствовали в нем своего. В искусстве Райкина была та самая «реальность, отточенная до символа», о которой говорил Станиславский. И пошлый быт был поднят до уровня фантазмагии. И были слезы сострадания – просто, как сказал кто-то из великих, у сатирика такое устройство горла, что слезы вырываются наружу в виде смеха.

КТО ЭТОТ ПАРЕНЬ?

«Запомните, вы еще только-только Аркадий Райкин, а я уже давным-давно Смирнов-Сокольский», – поучал строгий член жюри молодого участника первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Он же поставил над участником-фаворитом жестокий опыт. Во время выступления, где Райкин должен был исполнять номер «Чаплин», Смирнов-Сокольский спрятал (для опыта) главный элемент реквизита – тросточку. В считанные минуты отчаявшийся конкурсант слетал в гардероб, вымолил у гардеробщиц «тросточку» (довольно неэлегантную палку), вернулся на сцену и исполнил номер. Первую премию на первом конкурсе не присудили никому. Обладателем второй стал 28-летний Аркадий Райкин.

«Как ты думаешь, – спросил тогда член жюри Дунаевский у члена жюри Утесова, – этот парень долго будет иметь успех?». И тот ответил: «Всегда».

ARKADY RAIKIN: FOREVER A FULL HOUSE

Olga Fuks

ARKADY RAIKIN WAS BORN ONE HUNDRED YEARS AGO IN RIGA INTO A FAMILY OF A WOOD SORTER AND A MIDWIFE. HIS BRILLIANT PERFORMANCES WERE DESTINED TO BECOME THE SOVIET PEOPLE'S PRIMARY ESCAPE FOR A PERIOD OF SEVERAL DECADES. THIS GREAT ARTIST, OPERATING IN THE DOMAIN OF SATIRE, TAILORED HIS PERFORMANCES TO PUSHKIN'S FORMULA – «MERCY TO THE FALLEN». AND INVOKED A KEEN DESIRE TO STRAIGHTEN UP.

FROM A SHED TO THE ALEXANDRINSKY THEATRE

The age when he was born held no promise of a happy life. The relocations and hunger during the World War I years. After the revolution – the severance of all contacts with relatives from Riga, which had suddenly become “a city in a foreign country.” The fear of a phone call “from there.” Later, in the Forties, the Raikins would reconstruct bit by bit the information about their relatives – nearly all of them had perished. One of them managed to escape after a firing squad execution in the ghetto by climbing out from under the dead bodies with a bullet hole in her shoulder. Another spent the war lying inside a partition wall between the first and second floors of a Latvian house occupied by the Nazis. Afterwards he couldn't walk – his muscles have atrophied. Raikin's father also didn't survive the war: like many other Leningrad residents that were rescued from the besieged city, he couldn't handle the trial by food and died of overeating.

But there was also the circus tent in Rybinsk, where the six-year-old Arkady got to know all the artists. And the makeshift theatre in a shed, and his first “role.” (a murdered merchant with a dagger under his armpit).

His first dramatic play – Rostand's “Chantecler.” at the Rybinsk Drama Theatre. Happiness mixed with deadly envy toward a neighbor boy who got to play on a real stage. Nevermind that his role consisted of merely whittling a stick in a poultry yard. (Some eighty years later Konstantin Raikin would stage the performance of “Chantecler.” – a play about a creator's exaltation – at the theatre named after Arkady Raikin).

Lessons in visual arts with Vladislav Izmailovich, who fostered his appreciation

for painting and his understanding of it. Yuri Yursky's theatre group and the first roles performed by Raikin the student already in professional theatres – Scherbakov's Peredvizhnoy Theatre and the “Stanok.” Theatre.

And all the treasures of theatrical Petersburg of the 1920s-1930s.

The famous performances at the Alexandrinsky Theatre, which Raikin frequented from the age of ten, using the crowd as a cover to slip by the ushers. Sometimes he even bought tickets with the money he'd get for selling his textbooks – a move that was invariably followed by a punishment that very evening in the form of his father's angry yelling, a clip on the back of his head, or even of him being locked out of the house for the night.

TO GO ANOTHER WAY

Meyerhold accepted him into his company... sight unseen. While rehearsing “Woe from Wit.” the master, who couldn't stand having outsiders at his rehearsals, noticed a student that was hiding in the darkness of the audience hall. “At that moment he resembled an eagle that has just spied his prey from the mountain heights,” Raikin recalls. Meyerhold only needed to ask two questions to understand what was important about that student. Along with the invitation to join the company Raikin received an offer to take part in the famous “The Lady of the Camellias”, move to Moscow and defend his thesis already at the State Meyerhold Theatre. But... leaving for Raikin would be tantamount to a betrayal of his class, which was about to become a theatre. Then his class instructor Vladimir Nikolaevich Solovyev – a famous pedagogue and director, an expert connoisseur of commedia dell'arte, Meyerhold's associate and co-author on the journal “Love for Three Oranges.” – talked his student out of joining the brilliant director's company. It was as if he had a foreboding about the impending destruction of the State Meyerhold Theatre.

The Leningrad Theatre of Miniatures, which came into existence in 1939 in an almost spontaneous manner, became his destiny. He brought together singers, jugglers, dancers, musicians, acrobats. Three years later, at the height of the war, the task of directing a theatre that provided entertainment to military units from the Far East to Novorossiysk fell to its youngest member – master of ceremonies Arkady Raikin.

THOSE ARE RAIKIN'S WORDS!

Arkady Raikin did not spare his authors' pride. To him miniatures were just as much a material for further revision as the language of the streets, the party bosses' newly coined words and phrases, the System's bureaucratese language. Like fabric to a tailor. He could give the same monologue to different authors,

convincing each of them that they were the only ones capable of understanding Raikin's idea. He could rewrite their texts or revise them beyond all recognition, or "sew together." A new miniature out of different "rags."— from different authors. "Those are Raikin's words,."the audience stated with confidence.

There were many who left Raikin. Some were never quite able to fulfill themselves outside of the Theatre of Miniatures. Others, like Mikhail Zhvanetsky, managed to demonstrate their uniqueness and competence.

However... When Akhmatova, Zoshchenko and "a certain Khazin."were declared personae non grata in a decree about the "Zvezda."and "Leningrad."magazines, when even Zoshchenko's acquaintances began turning away from him, and he began turning away first to avoid giving them a reason to do it, when the lack of money started to become a real problem, the writer received a phone call.

"Mikhail Mikhailovich, we need to right a wrong here. At least inasmuch as we are capable. I believe it is unfair that so far you have not written anything at all for us."

Arkady Raikin used all of his artistic

Arkady Raikin with his wife and partner on stage Ruff Roma. They lived together for more than 50 years.

talent in order to appear laid back and businesslike. It has long been his dream to have Zoshchenko become their theatre's author, but he also understood that Zoshchenko's literature ascended to a different level. Now, however, the time for stylistic subtleties has passed – the writer was literally being deprived of his livelihood. And that is how Zoshchenko's miniature "Good Morning."became part of the theatre's repertoire.

As for Alexander Khazin, he became Arkady Raikin's regular author and his theatre's literary manager.

LAUGHTER IS MANKIND'S ESPERANTO

When touring abroad, they performed in the language of the host country. In English, German, Romanian, Polish, Slovak. They prepared a play in Japanese (there were plans for a guest performance in the Country of the Rising Sun, where an entire book was written about the Leningrad Theatre of Miniatures). But... a different theatre group was sent instead. They even performed in Hungarian, where a basic "hello – goodbye."("jo napot kivanok – viszontlatasra") created quite a challenge for the actors.

Raikin ridiculed Soviet bureaucrats in English, and the British roared with laughter, recognizing their own from his descriptions. This recognition effect was so great that his miniature "Inconceivable."was even banned from being shown on British television.

They studied all the texts in advance. However, the hardest part began during the guest performance itself – Arkady Isaakovich insisted on using the most contemporary words and phrases in their shows.

Raikin's language memory was phenomenal, and spectators who went backstage after the performance would often wonder: what do you mean, you don't know the language?! You just spoke it for several hours!

One time his linguistic abilities were put to a brutal test. The Ministry of Culture sent the artist to West Berlin for the

International Pantomime Festival, where Raikin, in his capacity as guest of honour, was slated to give a lecture on the influence of pantomime on other art forms. Raikin thoroughly prepared for the lecture. When he arrived in Berlin, however, he was informed that he was invited not to give a lecture but to perform in a concert with Marcel Marceau. He had 64 hours left to prepare for it. Fortunately, the interpreter was very understanding and agreed to stay at the hotel to work with him, foregoing sleep. Following the performance Raikin was recalled on stage fourteen times, but he no longer understood anything.

The performances of Arkady Raikin's Theatre of Miniatures took place in the open air in the foothills of the Balkan Mountains, on a soccer field, and in the BBC studio for the opening of the new British television channel. Gabrovo made him the city's honorary citizen. London ranked him among five of the world's most distinguished comic actors.

Japan, Italy and America all waited for a visit from Raikin's theatre. A famous American producer Saul Hurok, known for his generosity and love with regards to Russian artists, offered the officials and party bosses at all levels to bring the Theatre of Miniatures to America for a year to perform for a thousand-seat audience. But all of his efforts at persuasion were in vain. America that Raikin had dreamed about remained unattainable to the end of his life.

When the authorities finally allowed him to go to the U.S., it was the doctors who voiced their opposition – the flight could prove fatal to the 76-year-old artist. Arkady Isaakovich took the doctors' verdict so hard that his colleagues decided that they should do as he desired. Something incredible was happening at Arkady Raikin's performances. Each time the audience (a thousand or two thousand people) stood up to applaud him and cried. The artists cried, too. Everyone knew that Raikin wouldn't be coming back there again, that these were his farewell performances.

SEVENTEEN PERCENT ON CREATIVITY
Arkady Isaakovich Raikin was a child of his time. As a young man working at the Okhtinsky factory (a year's worth of work experience was required for university admission), he traveled to the Yaroslavskaia Region to fight against the kulaks. He buried a friend, killed in the class struggle, so to speak. He took part in inventorying church property and in a celebratory meeting, dedicated to the production of the first tractor.

He spent almost the entire war providing entertainment to Soviet military units and hospitals, often being no more than a hair's breadth away from death. The memory of the sanctity of that task defined his attitude both toward his audience and toward his country for the rest of his life. He compared the society, in which he lived, to a healthy person with a really bad toothache. It upset Raikin to no end when someone reproached him for misrepresentations, distortions, smear campaigns, lack of positive characters and positive examples from the life of Soviet society. He felt like a healer, whose task it was to cure the cursed

Raikin ridiculed Soviet bureaucrats in English, and the British roared with laughter, recognizing their own from his descriptions.

The Theatre of Miniatures was blatantly nonpartisan. There were never enough members of the CPSU to create a party organization (the minimum required number was three). Nevertheless, the “richness of Lenin's ideas.” was likewise put to good use. Thus, in the 1960s the theatre put forth a production of “Plus-Minus.” whose authors were Zhvanetsky, Likhodeev and... Lenin. Every satirical attack was supported by quotes from Ilyich's collected works with reference to volume and page number.

These tricks of style, however, did little to shield them from their bosses' smoldering hatred and the exhausting official performance runs (“I spend only about seventeen percent of all my energy on creativity,” Raikin estimated). And, as a consequence of all that, from the numerous heart attacks, one of which happened right in the office of Vasily Shauro, Head of the Department of Culture of the Central Committee.

By the standards of Soviet history, however, Raikin was actually very lucky...

One time he was literally dragged out of bed and taken to a closed concert in honor of Stalin's 60th anniversary – a concert for sullen rulers of destinies, without a single woman in sight. On the way there he concentrated on the fact that he really needed some hot tea to soften his throat. And so, with the life-saving thoughts of tea he began his performance for the leader of the people.

Raikin's family archive contains Stalin's politely laconic reply to an invitation to visit another one of his performances. But... many years later Arkady Raikin was shown a list of Leningrad residents who were to be exiled to Kazakhstan as per Stalin's orders. Train cars, which they were supposed to be shipped in, had already been brought to Leningrad, but then Stalin died. That list contained Raikin's name as well.

The Communist regime gave Raikin a “worthy.” farewell. For several days the

newspapers didn't report where the funeral service would take place. As Arkady Isaakovich's brother and stage partner Maxim Raikin recalls, the only people apart from friends and family that showed up at the funeral service were residents from nearby homes. A man in plainclothes was broadcasting the speeches straight out of the funeral hall via his walkie-talkie and giving commentary on what was taking place. In the words of one of the relatives, this was the first time that the great artist did not have a full house.

MKHET AS AN ALTERNATIVE TO MKHAT

Arkady Raikin experienced the taste and price of independence at a very early age – even as a boy, when he stubbornly ran over to the theatre every evening, knowing that his actions would inevitably get him punished. As a young man he wanted even more independence, but it was nearly impossible to attain in a drama theatre. “I understood fairly quickly that I needed to do something to avoid destroying my own self. I switched to a genre that allowed me to maintain relative independence.” He paid a high price for the right to at least be the master of his own fate during the rehearsals, before the arrival of censors and committees. No world repertoire, few A-list directors. Ravenskikh, Akimov or Simonov were the exceptions, rather than the rule. Arkady Isaakovich parted ways with Anatoly Efros after only the second rehearsal. One could only guess as to how fruitful that duet might have turned out.

He took quite a risk setting sail on his own, but time has proven that he made the right choice. At the time when all theatres in the country were forced to adhere to the standards of MKhAT (the Moscow Art Theatre), Raikin together with Grigory Karpovsky, who was later replaced by German Novikov, created MKhEt – the Maly Art Variety Theatre – with a picture of a soaring goose-like bird on the curtain, a stream of human types and a collection of funny situations.

Many years later, when Raikin, the former MKhET member, came on stage during MKhAT's anniversary gala, the MKhAT Company actors all stood to greet him. Furtseva was completely astonished by this display. “How come when a representative of the Central Committee came on stage, the actors listened to him sitting down, but as soon as Raikin appeared the entire MKhAT Company stood up?..” she wondered. It was a rhetorical question. But it seems fair to suppose that the MKhAT actors felt as if he were one of their own. Raikin's art had that same “reality ground down to a symbol.” that Stanislavski talked about. And the vulgar everyday life was raised to the level of phantasmagoria. And there were tears of compassion. It's just that, as one of the great ones had said, a satirist's throat is arranged in such a way that tears break forth in the form of laughter.

WHO IS THIS GUY?

“Remember, you have just barely become Arkady Raikin, while I have been Smirnov-Sokolsky for a very long time,” the strict member of the award panel lectured the young participant of the first All-Union Competition of Variety Artists. He was also the one who conducted a cruel experiment on the odds-on favorite participant. During a performance where Raikin was supposed to do a number titled “Chaplin.” Smirnov-Sokolsky hid (for the sake of an experiment) the act's main prop – the cane. In a matter of minutes the desperate contestant flew to the coat room, where he successfully begged the attendants to give him “a cane.” (a rather inelegant stick), returned on stage, and performed his number. The first prize at the first competition was not awarded to anyone. The winner of the second prize was the 28-year-old Arkady Raikin.

“What do you think,” the then jury member Dunayevsky asked another jury member Utesov, “will this guy remain a hit for a long time?”

And the latter responded, “Always.”